

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КОНЧИК МИЗИНЦА

Полет из Лимы в Куско проходил примерно так же, как не в самом комфортабельном набитом под завязку пассажирском автобусе, только по воздуху. К тому же самолет попал в грозу и постоянно проваливался в воздушные ямы, отчего Быков судорожно зевал и стискивал подлокотники с такой силой, словно собирался их раздавить или оторвать к чертовой матери.

Но другого пути в Куско не существовало. Вернее, туда можно было добраться с множеством пересадок автобусом либо поездом, потратив на путешествие не меньше суток. Прямых и непрерывных наземных маршрутов в Перу попросту не было, как и в большинстве южноамериканских стран. Горы и непроходимые джунгли диктовали свои условия. Кто не согласен, может путешествовать пешком или вообще сидеть дома — кому как нравится.

Быков не относился к числу домоседов. Да и не мог он себе позволить торчать на одном месте. Волка ноги кормят. Фоторепортера — тоже. Чтобы успешно конкурировать в мире, напичканном совершеннейшей и легкодоступной фотоаппаратурой, приходится быть перекатиполем. Подул попутный ветер, подхватился — и в путь.

В древней столице уже не существующего государства инков Быкову предстояло снять серию фотографий для американского археологического журнала. Гонорар был не ахти какой, однако давал возможность повидать не только давно освоенный туристами Куско, но также легендарный и куда более труднодоступный Мачу-Пикчу¹. Быков не мог себе позволить лишние расходы из собственного кармана. В последнее время с заказами было негусто, а политика западных изданий по отношению к выходцам из СССР стала жесткой, порой просто нетерпимой. В своих же журналах платили раз в десять меньше. Оставалось лишь надеяться на лучшее, чему все мы прекрасно обучены.

Время от времени Быков был готов бросить профессию фотографа и заняться чем-то еще... но чем? Ему перевалило за сорок пять, и последние лет пятнадцать он только тем и занимался, что странствовал по свету с фотоаппаратом в руках. Несколько раз возникало ощущение, что удача улыбнулась ему и он вот-вот разбогатеет, став обладателем какого-нибудь бесценного раритета, однако улыбки эти оказывались на поверку фальшивыми, и пресловутая жарптица снова и снова ускользала из рук, не оставив даже перышка на память. И все же Быков не сворачивал с выбранного пути. Одни назовут это упорством, другие — глупостью. Сам он не давал никаких характеристик. Просто жил так, как жил, и был тем, кем он был.

На выходе из аэропорта его поджидал молодой человек с табличкой «ВУКОВ». Звали его Пабло Рамирес.

— Добро пожаловать, мистер Бв... Пб... — попытался выговорить он.

¹ Мачу-Пикчу — доколумбовый город инков, расположенный в Андах на высоте 2400 метров. (Здесь и далее примеч. ред.)

Сложности произношения. Плюс кошмарный английский. Все, на что парень оказался способен, так это выдавить из себя нечто вроде: «Велькамь миста Пфыкоф».

— Зови меня Димой, — разрешил Быков. — И обращайся ко мне по-испански. Простые предложения я понимаю и могу немного говорить.

— Экселенте! — обрадовался Рамирес. — Отлично. Как долетел, Дим-ма?

— Нормально. После Лимы у вас дышится легко. — Быков с наслаждением сделал глубокий вдох. — Воздух сухой и прохладный.

— Три километра над уровнем моря, — сообщил встречающий. — С непривычки, правда, будет побаливать голова. Сороче.

— Сороче?

— Угум. Так мы называем высотную болезнь. Ты хорошо говоришь по-испански, Дима.

— Я не в первый раз в Южной Америке, — пояснил Быков. — Кстати, в Перу тоже бывал. Два раза.

Вспомнив обстоятельства, сопутствовавшие этим поездкам, он слегка нахмурился. Сначала его едва не сожрал ягуар, а потом пытались оскопить двухметровые амазонки, которых даже в качестве лести никто не назвал бы прекрасными.

— А Куско? — спросил Рамирес, когда они сели в машину. — Здесь ты впервые, да?

— Как ты догадался?

— По взгляду. У тебя глаза сверкают.

Совершенно точное наблюдение. Быкову действительно не терпелось увидеть город, о котором он столько читал. Древняя столица инков, превосходившая в архитектурном плане тогдашний Мадрид. Когда испанские конкистадоры вошли в Куско, они попали прежде всего на главную

площадь. Город был устроен так, что к ней вели все пути и от нее же лучами расходились во все уголки империи. Неслучайно инки нарекли ее пупом своей земли — Уа-кайпата, или Кусипата. С подачи испанцев площадь была переименована в Пласа-де-Армас, но от этого не стала окончательно испанской и никогда не станет.

Быков озвучил свою мысль Рамиресу.

— Конечно, — сказал он. — Кстати, мой босс добился разрешения вести раскопки именно на Пласа-де-Армас, разбив ее на сегменты. Когда-то она была не просто вымощена идеально ровными плитами, но еще и покрыта ковром из тончайшего песка и рассечена надвое речкой Сафи, забранной в каменные набережные. Мы собираемся найти священный камень Усну, возле которого совершались жертвоприношения.

— Сотни невольников убивали, — понимающе кивнул Быков, вспомнив сцену из фильма «Апокалипсис» Мэла Гибсона, хотя и о другой вымершей цивилизации — майя, но тоже показательную.

— Только младенцев, — поправил Рамирес. — Предки считали, что безгрешная жертва — самая ценная.

Быков собирался было что-то сказать, но поперхнулся собственной слюной. Его спутник выглядел совершенно невозмутимым. Видимо, как когда-то его предки, приносившие в жертву невинных детей.

Следующие два дня Быков провел на раскопках. Часть площади была огорожена и затянута со всех сторон пластиком, чтобы избавить археологов от любопытных взглядов. Внутри было невыносимо жарко. Чтобы обеспечить нормальное освещение, Быков попросил убрать часть навеса, так что теперь солнце беспрепятственно проникало в шатер, тогда как ветер практически не задувал.

В целом раскопки не вызвали у Быкова ничего, кроме разочарования. Шла расчистка «места радости», как называли инки городской рынок. Археологи складывали в горку кости гуанако и черепки кувшинов. Начальник экспедиции Энрико Гонсалес обожал позировать и требовал крупных планов. Единственным интересным собеседником оказался Рамирес. Он рассказывал то о водопроводе Куско, то о секретном способе размягчения камней, который инки использовали для безукоризненной подгонки плит и блоков. Он немного разбирался в древней письменности и знал множество цветистых легенд. С ним было не скучно.

На прощание они выпили удивительно вкусного перуанского пива. Угощал Быков, поскольку проспорил Рамиресу. Ему так и не удалось просунуть лезвие бритвы между камнями старинного фундамента. Рамирес очень быстро опьянел и без умолку хвастался достижениями предков, будто сам был к ним причастен.

— Испанцы не сумели разрушить ни одного нашего города, — тараторил он. — Все их сооружения стоят на прежних фундаментах. Вот как мы умели строить.

— А имя у тебя испанское, — поддел его Быков.

— Это ничего не значит. — Рамирес поднял покрасневшие глаза, чтобы отыскать взглядом собеседника. — У нашего города тоже сейчас другое имя. Но он значит благодаря инкам, а вовсе не испанцам. В строительстве инкам не было равных.

— Они не знали колеса, Пабло.

Быков и сам не понимал, что заставляет его дразнить молодого археолога. Возможно, он не слишком верит в его искренность? Внешность у него скорее испанская, чем индейская. И рассуждения о величии предков выглядят как стремление примазаться к чужой славе.

— Мы прекрасно обходились без колеса! — парировал Рамирес.

— И без железных орудий труда, — напомнил Быков.

— Зато у нас было золото! Так много золота, что вам и не снилось.

— В войне с испанцами оно оказалось бесполезным. Даже наоборот.

Рамирес допил пиво и откинулся на спинку плетеного стула, скрестив руки на груди.

— Как знать, — процедил он. — История на этом не кончается.

Брови Быкова невольно поползли вверх.

— Как? — воскликнул он. — Ты на реванш рассчитываешь, что ли?

— Нас погубила доверчивость, — последовал ответ. — А вас погубит алчность. Сегодня любого можно купить за золото. Кто знает, может быть, сейчас оно лежит где-то и ждет своего часа.

Быков рассмеялся (несколько натянуто, нужно отметить):

— Ты имеешь в виду золото, которое расползлось по всему миру? Конкистадоры разграбили страну инков.

— Кечуа, — поправил Рамирес глухим голосом.

— Что ты сказал?

— Кечуа, Дима. Мои предки называли себя кечуа. И они не были болванами, чтобы позволить обобрать себя до нитки. Завоеватели получили столько, — показал кончик мизинца Рамирес. — Остальное осталось здесь. — Он хлопнул рукой по столу. — И когда-нибудь испанцам придется ответить за свои злодеяния. Не только им. Всем...

Не договорив, он плотно сжал губы, словно боялся, что застрявшее в горле слово сорвется с языка. Но нетрудно

догадаться, что собирался сказать Рамирес. Он имел в виду всех белых. Западную цивилизацию.

— Дела давно минувших дней, — произнес Быков примирительным тоном. — Не будем тревожить призраков прошлого.

— Невозможно потревожить тех, кто и так не знает покоя.

— Предлагаю сменить тему, Пабло.

Рамирес довольно долго смотрел Быкову в глаза, прежде чем кивнуть в знак согласия. Но взгляд его остался непримиримым. Вот когда стало совершенно очевидно, что в жилах его течет индейская кровь.

* * *

Настоящий Мачу-Пикчу находился довольно далеко от Куско. Он стоял на высокой горе, у подножья которой для привлечения туристов построили развлекательный городок, получивший название «Мачу-Пикчу Пуэбло». Туда не были проложены ни асфальтированные, ни бетонные дороги — только железная. Вы можете выбирать, каким поездом и с какого вокзала отправиться в путь, но по большому счету все это вариации одного и того же маршрута. Единственная вольность, которую мог себе позволить Быков, — добраться на такси до Олланты, а там уже пересестись на поезд, потому что дальше начиналась непроходимая сельва¹.

Он приобрел не самый дешевый, но и не самый дорогой билет, заплатив за поездку семьдесят долларов. Это гарантировало ему сидячее место и наличие официантов с водой и закусками. Кассир поманил Быкова к окошку и тихо произнес:

¹ Сельва — влажные экваториальные леса в Южной Америке.

— Отличный обзор. Всего за пять баксов.

— Бинокль? — предположил Быков.

Кассир отрицательно покачал головой и повторил:

— Обзор.

Звучало внушительно и многообещающе.

— Давайте, — согласился Быков.

Кассир продемонстрировал интернациональный жест, потирая большой палец об указательный и средний. Получив требуемую купюру, он протянул билет и торжественно произнес:

— Сиденье слева по ходу поезда. Иначе вы ничего не увидите.

Быков по достоинству оценил бонус, когда его взгляду открылись головокружительные пропасти и провалы. Если бы сидел с другой стороны, пришлось бы довольствоваться видом на скалы, вдоль которых протянулись рельсы.

Иногда поезд проносился по мосту над рекой, извивающейся по дну ущелья, иногда влетал в тоннель и, погромыхав там колесами, вновь вырывался на волю. Глядя вниз с трехкилометровой высоты, Быков испытывал томительное сосание под ложечкой. Когда в один из таких моментов он отвел глаза от окна, чтобы избежать головокружения, его взгляд остановился на двух молодых женщинах, сидевших в противоположном конце вагона как раз на тех местах, откуда невозможно по достоинству оценить все прелести путешествия по горному карнизу. Женщины были привлекательны и, как показалось Быкову, грустны.

Совершенно импульсивно, вовсе не стремясь завязать знакомство, он сделал приглашающий жест, показал на окно и встал, предлагая незнакомкам занять его наблюдательный пост. По неизвестной причине место рядом

с ним было свободно. Вероятно, это объяснялось тем, что на Мачу-Пикчу все ехали парами или компаниями и лишь Быков путешествовал один.

Женщины переглянулись и, склонив головы друг к другу, начали совещаться. Одна была брюнеткой, вторая — блондинкой, хотя темные волосы на макушке выдавали натуральный цвет. Возраста обе казались примерно одинакового, приблизительно лет тридцати или около того. Черноволосая выглядела ярче — броский макияж, большие серьги в виде золотых колец. Подруга, похоже, предпочитала мягкие тона, ее губы были накрашены нежно-розовой помадой. Светлые локоны подчеркивали красоту ее темных глаз.

Быков повторил безмолвное приглашение.

Женщины встали и направились к нему, провожаемые взглядами пассажиров. Мужчины смотрели с затаенным или откровенным интересом. Их спутницы выражали всем своим видом неодобрение. Брюнетка и блондинка, явно привыкшие к подобной реакции, не обращали внимания ни на одних, ни на других.

Быков встретил их вежливой улыбкой и не менее вежливым спичем из трех предложений:

— Добрый день. Думаю, отсюда обзор будет лучше. Приятной поездки.

Кивнув, он собирался проследовать на место женщин, но они представились и заговорили с ним, выражая признательность. Их английский был неплох. Быков попробовал общаться по-испански, но его потуги вызвали улыбку у новых знакомых.

— Не нужно, — попросила Сильвия, покачав головой.

— Не мучай себя, — поддержала ее Моника.

Они оказались родными сестрами, хотя особого внешнего сходства между ними не наблюдалось. Блондинка

Сильвия была одета в белую футболку, розовую юбку выше колен и легкие кроссовки с блестками, брюнетка Моника — в открытое платье лимонного цвета с разрезом на бедре и босоножки на высоком каблуке. Опустившись на сиденье, они пообещали, что им хватит десяти минут.

— Можете оставаться до конца поездки, — великодушно разрешил Быков.

— В таком случае позволь нам угостить тебя кофе, — предложила Моника.

Он не стал отказываться. Это было выше его сил. При ближайшем рассмотрении сестры оказались чертовски хороши.

По приезде все трое оставили вещи в отеле и немного прогулялись по городу. Было зябко и сыро. Вернувшись в свой номер, Быков понял, что без обогревателя или хотя бы второго одеяла не обойтись. У него на родине сейчас зима, а в Перу, наоборот, лето¹, однако он находился высоко в горах, а здесь всегда намного холоднее.

Ужин оказался не слишком вкусным и не особенно сытным. Ключув на экзотику, Быков соблазнился мясом альпаки, о чем тут же пожалел, как только принесли заказ. Сестры, подшучивая над ним, с аппетитом съели стандартные стейки с картофелем фри. Оставалось только молча завидовать.

Вернувшись в номер, Быков принял душ и собирался уже ложиться в постель, как в дверь постучали. На пороге стояла Моника. Она хотела знать, собирается ли завтра Быков в настоящий Мачу-Пикчу. Он ответил утвердительно.

¹ Перу находится в Южном полушарии, лето там длится с декабря по февраль, а зима — с июня по август.

— Мы можем составить тебе компанию, — предложила Моника. — Только выезжать нужно пораньше. С восьми часов наверх повалят толпы туристов. Если хочешь погулять в относительной тишине, придется проснуться в пять.

— Договорились, — сказал Быков.

Беседуя с красивой женщиной возле разобранной постели, он чувствовал себя немного не в своей тарелке. Моника заметила его состояние.

— У тебя холодно, — улыбнулась она. — Под утро совсем замерзнешь. В этих краях нет отопления.

— Позвоню на ресепшен, — беспечно произнес Быков. — Попрошу принести еще одно одеяло. Или обогреватель.

— Все запасные одеяла разобраны, — посочувствовала Моника. — А последний обогреватель забрали мы с Сильвией. Ожидаются дожди с градом. Может даже снег выпасть.

Быков поискал взглядом кондиционер (обычно они обладают и функцией обогрева) и не обнаружил ничего похожего ни на одной из стен.

— Перебейся к нам, — предложила Моника таким тоном, будто речь шла о совершеннейшем пустяке. — У нас двухкомнатные апартаменты. Поставим обогреватель между комнатами, всем тепло будет.

— Неудобно, — стушевался Быков.

— Должны же мы тебя хоть как-то отблагодарить.

— Вы уже отблагодарили. Кофе, ужин...

— Пустяки! — отмахнулась Моника. — Собирай вещи и пойдем. Все равно вторая комната пустует. Мы с сестрой собираемся спать вместе. На одной кровати.

Быков сглотнул, постаравшись делать это не слишком шумно.

— Нет, спасибо, — услышал он свой голос.

Моника посмотрела ему в глаза.

— Кажется, я могу быть с тобой откровенной, Дима? Или я ошибаюсь?

Интересно, какой идиот ответил бы на такой вопрос утвердительно? Быков не придумал ничего лучше, чем пожать плечами.

— Нам будет спокойнее рядом с женщиной, — пояснила Моника. — Есть обстоятельства, о которых я не хотела бы говорить. Но...

Она умолкла.

Быков посмотрел ей в глаза.

— Вам грозит опасность?

Ответ был довольно расплывчатым:

— Одиноким женщинам всегда грозит опасность. Так как? Идешь? Никакого сексуального подтекста здесь нет, не волнуйся.

Быков закашлялся.

— Я не волнуюсь, — пробормотал он, краснея.

— Отлично. Бери вещи.

Сильвия заметно обрадовалась его приходу. В апартаментах сестер, несмотря на включенный обогреватель, было не намного теплее, чем в номере Быкова, но зато для него нашлось толстое одеяло.

— Альпака, — прокомментировала Моника. — Мясо не очень, зато шерсть хорошая.

Сестры засмеялись. Их смех все еще звенел в ушах Быкова, когда свет погас и все улеглись на свои места. Он слышал, как женщины о чем-то шепчутся, и приказал себе забыть об их существовании, но не получалось.

Ночь тянулась бесконечно. Быков просыпался каждые полчаса. В результате поднялся с постели разбитым и вялым.

— Собирайся, — поторопила его Сильвия. — Форма одежды — спортивная.

Она, как и Моника, была в спортивном костюме, куртке и кроссовках. Сверху обе накинули одноразовые дождевики. Быкову вручили такую же прозрачную накидку, бутылку воды и сопроводили на автобусную станцию. Здесь уже собралась приличная очередь, но автобусы курсировали каждые две минуты, так что ждать долго не пришлось.

Во время подъема Быков немного вздремнул, отчего сделался еще более сонным. На вершине хлестал проливной дождь. Из-за сизой пелены обзор сократился до пары десятков метров. Серые крепостные стены на террасах были однообразны и вызывали тоску. Быков пожалел, что поперся в такую даль вместо того, чтобы сразу улететь из Куско домой — сэкономил бы деньги и время. В конце концов, пресловутый Мачу-Пикчу вообще никак не связан с завоеваниями испанцев. Он не был последним пристанищем инков, не находился в осаде, ничем не прославился. Вдневниках конкистадоров — вообще никаких упоминаний о Мачу-Пикчу. Мир узнал о существовании этих построек только через несколько веков после испанской конкисты.

— Загрустил, Дима? — спросила Моника, беря Быкова под руку.

— Не понимаю, что я здесь делаю, — буркнул он.

— Ничего, — сказала Сильвия, пристраиваясь с другой стороны. — Может быть, скоро поймешь.

Соблазняют они его, что ли? Быков закашлялся.

— Знаешь, почему мы поехали с тобой? — спросила Моника.

— Нет, — признался он.

— Мы погуглили информацию о тебе и были приятно удивлены, — пояснила Сильвия. — Тебя нам сам Бог послал. Но сначала нужно к тебе присмотреться.

— Для чего? — нервно осведомился Быков.

Сестры с обеих сторон держали его за руки, лишая свободы маневра. Он чувствовал себя несколько стесненно и глупо.

— Понять, что ты за человек, — сказала Моника. — Можно ли тебе доверять.

Он фыркнул:

— И как вы собирались это сделать? С помощью портативного детектора лжи?

— Настоящим женщинам не нужен детектор, — заявила Сильвия. — Хватит и интуиции.

— Достаточно побыть некоторое время рядом с женщиной, чтобы распознать его суть.

Быков недоверчиво ухмыльнулся:

— Так вы для этого заманили меня к себе?

— Какой ты догадливый! — воскликнула Моника, не скрывая иронии.

Сестры засмеялись. В своих прозрачных накидках с капюшонами они были очень похожи. Быков деликатно высвободил руки:

— Спасибо за доверие, конечно, но я хотел бы понять, что происходит. Зачем я вам нужен? Что вы задумали? Какая опасность вам угрожает? Может быть, стоит обратиться в полицию?

Женщины переглянулись и синхронно покачали головами.

— Скорее всего, мы обратимся к тебе, — многозначительно пообещала Моника.

— Ты именно тот, кто нам нужен, — сказала Сильвия.

— Не люблю я загадки, — проворчал Быков.

Моника рассмеялась.

— Врешь, Дима! Ты как раз принадлежишь к числу тех людей, которые обожают загадки. Иначе сейчас ты на-

ходил бы не здесь, а в каком-нибудь другом месте. Тепло и комфортно.

Это была чистая правда, но дух противоречия побудил Быкова возразить:

— То же можно сказать о любом из сотен туристов, которые поднялись в такую рань, чтобы побродить под дождем по этой горе. Все они могли бы сейчас нежиться в тепле с чашкой кофе.

— Настоящих авантюристов среди них нет, — сказала Моника. — Или почти нет. Они совершают обычный туристический ритуал. В лучшем случае их привела сюда любознательность...

— А не любовь к приключениям, — закончила мысль Сильвия.

— Разве это не одно и то же? — уточнил Быков.

— Судя по твоей биографии, нет, — сказали сестры и сменили тему разговора.

Интрига повисла в воздухе.

* * *

Быков солгал бы, сказав, что неуязвим для женских чар, которые пустили в ход его новые знакомые. Разумеется, он почти с самого начала пребывал в состоянии томления, какое охватывает людей в присутствии симпатичных им лиц противоположного пола. Несмотря на возраст и более чем солидный опыт, Быков ощущал волнение, очень похожее на то, которое накатывало в ранней юности, когда он оказывался в компании девушек постарше. Нельзя сказать, что в такие моменты его обуревали какие-то стыдные мысли, потому что мыслей, по существу, и не было. Сплошные эмоции.

Быкову было очень приятно осознавать, что сестры имеют на него какие-то виды, и они беззастенчиво пользовались этим, распаяя его любопытство, умело играя

на струнах его души. Как он ни старался, как ни обуздывал свои эмоции, под внешностью сильного заматеревшего мужчины крылась влюбчивая юношеская натура. Всякий раз, когда судьба сводила Быкова с незаурядной женщиной, он начинал тянуться к ней и даже подумывал о том, чтобы связать с ней дальнейшую жизнь. Такая порывистость, горячность была не на пользу серьезным, взрослым отношениям. Через некоторое время Быков перегорал, и то, что представлялось ему любовью, на поверку оказывалось очередным увлечением. Женщины инстинктивно чувствовали, что имеют дело с непостоянным кавалером, и воспринимали знакомство с ним как любовное приключение, не более. Многие мужчины на месте Быкова только радовались бы подобному положению дел. Он переживал. В его возрасте пора думать о создании семьи, постоянном жилище и детях, а он до сих пор не встретил ту, с которой подобные мечты стали бы реальностью.

Встреча с сестрами Мачадо нисколько не приближала Быкова к семейной гавани, скорее даже наоборот. Его это угнетало и будоражило одновременно. Такое внутреннее противоречие не могло не сказаться на настроении и поведении Быкова. Он то шутил и заигрывал со спутницами, то впадал в задумчивую прострацию.

Дождь не прекращался и даже усиливался. Все хляби небесные собрались над этой горной вершиной и обрушились на нее. Руины Мачу-Пикчу блестели, с террас стекали ручьи, образуя целые водопады. Фотографировать при такой погоде было бессмысленно: ни освещения нормального, ни резкости. Мутная пелена застилала окрестности, облака опустились так низко, что превратились в сплошной туман.

— Не знаю, как вы, а с меня хватит, — произнес Быков. — Хорошего понемногу.